

RU

Проблема миллениума в мысли Достоевского

Ковалевская Т. В.

Аннотация. Цель исследования состоит в том, чтобы, изучив представление о «миллениуме» у Достоевского в контексте различных трактовок этого понятия, показать ортодоксальность церковного понимания этой идеи у писателя. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые это понятие помещается одновременно в широкий контекст мысли Достоевского и в перспективу ортодоксальной церковной трактовки понятия тысячелетнего Царства и его интерпретаций в различных отвергаемых церковью традициях, что приводит к реконцептуализации этого понятия. Также впервые показывается, что термин «миллениум» обозначает хилиастическое социальное понятие, используемое героями Достоевского, тогда как сам писатель понимал «тысячелетнее Царство» как насущное, пребывающее в Церкви как Теле Христовом. В результате в статье демонстрируется, что ранее предлагавшиеся трактовки понятия «миллениум» у Достоевского не учитывали весь спектр упоминаний этого понятия у писателя, а также сложный ряд религиозных концептуализаций (постмиллениаристские, премиллениаристские, амиллениаристские) тысячелетнего Царства, и в итоге Достоевскому приписывали по сути своей неортодоксальные взгляды его персонажей, тогда как Достоевский в своей интерпретации миллениума находится в русле церковной христианской традиции, что становится ясно из рассмотрения этого понятия в более широком контексте его художественных и публицистических высказываний.

EN

The problem of the Millennium in Dostoevsky's thought

T. V. Kovalevskaya

Abstract. The purpose of the research is to demonstrate Dostoevsky's orthodox Christian concept of the Millennium by studying references to it in comparison to various interpretation of the notion. The research is novel in that it offers an innovative contextualization of the "Millennium" within a broad landscape of Dostoevsky's oeuvre, in the orthodox ecclesiastical perspective, and in non-orthodox outlooks of various religious traditions; consequently, the "Millennium" is reconceptualized as a term used by Dostoevsky's characters to denote a chiliastic social notion, while Dostoevsky himself viewed millennium is present in the Church as the Body of Christ. Our findings demonstrate that the previously suggested interpretation of Dostoevsky's millennial views did not account for the full spectrum of millennial references in Dostoevsky's works and for a complex set of religious conceptualizations (postmillenarian, premillenarian, and amillenarian interpretations); consequently, Dostoevsky was ascribed essentially non-orthodox views of his characters, while the writer himself adhered to an orthodox ecclesiastical concept of the Millennium as we make clear upon considering this concept against the expanded background of relevant references in both his fiction and his non-fiction texts.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что уже в XIX в. читающая российская публика видела в Ф. М. Достоевском не только писателя, но и своего рода наставника, что засвидетельствовано в переписке с корреспондентами, обращавшимися к писателю с различными вопросами, от литературных до библиографических (так, в письме неустановленному лицу от 19 декабря 1880 г. он дает советы по детскому чтению, рекомендуя предлагать ребенку то, что «производит прекрасные впечатления и родит высокие мысли» (1972-1990, т. 30-1, с. 237)) и от психологических до религиозных. В XX-XXI вв. значимость не только его творчества, но и его философско-религиозной мысли возросла до такой степени, что прот. Павел Хондзинский счел необходимым написать статью «Достоевский как "учитель Церкви"», где заключает, что интенции, вложенные Достоевским в уста старца Зосимы, «не во всем согласны с Преданием Церкви. Ввиду этого Достоевский не может быть признан творцом "катехизиса" <...>, а стало быть – и учителем Церкви. Учение Достоевского скорее представляет собой – сознательную или интуитивную – попытку перевести истины

Откровения на язык антропоцентрического гуманизма, еще в XVII в. осознанного христианским сознанием как новое пелагианство. Это обусловило, с одной стороны, неизбежные потери, а с другой – чрезвычайную востребованность Достоевского в культурной среде. Таким образом, действительное значение Достоевского для Церкви, судя по всему, наиболее точно определил С. И. Фудель, совершенно справедливо назвавший его не автором *катехизиса*, а «катехизатором интеллигенции» (Хондзинский, 2014, с. 146). А. Г. Гачева относит Достоевского к мыслителям, напряженно рефлексировавшим «по поводу будущего, неразрывно сопряженного с путями истории и перспективами человека» (2025, с. 148). В эпоху нового напряженного осмысления сущности человека, в эпоху культурных и даже цивилизационных конфликтов, возникающих вокруг возможных путей развития антропологии, как философской, так и религиозной, изучение действительной религиозно-философской антропологии Достоевского, отделенной от представлений его героев, становится особенно актуальным. И в контексте этих исследований перед достоеведами особенно остро встает проблема изучения его богословия как квинтэссенции представлений писателя о человеке и человечестве; именно богословие Достоевского дает ключ к идейным составляющим его романов. Таким образом, изучение различных аспектов богословия Достоевского закладывает основы нового представления его творчества, в том числе и для широкой читательской аудитории, с учетом его богословских взглядов. В коллективной монографии «Богословие Достоевского» (2021) были заложены общие принципы исследования богословских концепций, воплощаемых не в трактатах, а в художественных произведениях. Однако христианское богословие представляет собой огромный комплекс идей, концепций, понятий, трактовок; история его возникновения, принятия Церковью и отвержения отдельных идей началась с возникновением христианства и продолжается по сей день. Поэтому задача исследования преломления богословских концепций христианства в творчестве Достоевского отличается одновременно всевозрастающей актуальностью и широтой возможных полей исследования. Миллениум – малоисследованная концепция, которая, однако, связана с ключевыми аспектами антропологии Достоевского, что делает ее исследование насущной проблемой изучения творчества писателя.

Для достижения этой цели ставятся следующие задачи: 1) описать различные трактовки идеи миллениума и категории, по которым они классифицируются; 2) выделить ортодоксальное церковное понимание миллениума; 3) описать контексты, в которых понятие «миллениум» фигурирует у Достоевского, и определить, к какому из существующих пониманий миллениума они относятся; 4) учитывая присущий Достоевскому подход к воплощению любой идеи по принципу мимикрической поэтики, где идея писателя, отдаваемая персонажам, в их изложении может превратиться в свою содержательную противоположность, при этом сохраняя высокую степень формальной близости исходной мысли («почти совпадает с ними, а между тем совсем другое» (Достоевский, 1972-1990, т. 13, с. 352), как говорит Петя Тришатов о песне дьявола и церковных гимнах), определить, есть ли у идеи тысячелетнего Царства подобные искажения и как они оценивались в предшествующих исследованиях.

В исследовании используется сравнительно-исторический метод, позволяющий локализовать представления Достоевского и его героев о миллениуме в различных точках всего диапазона миллениалистской мысли.

Материалом исследования послужили тексты Достоевского, опубликованные в «Полном собрании сочинений» (1972-1990), труды восточных и западных богословов (Андрей Кесарийский, 2018; Августин Гиппонский, 2020), а также материалы по истории русского сектантства (Кельсиев, 1852).

Теоретическую базу работы составляют труды отечественных исследователей. Так, в работе Н. Ким (2003) подробно описываются существующие трактовки тысячелетнего Царства, приводится их классификация, объясняются критерии классифицирования различных представлений, определяется церковное понимание миллениума. Работа «Ложность учения хилиастов» (1852) служит источником сведений о том, что мог знать об этой проблематике Достоевский. В статье В. М. Лурье (2024) предлагается религиозно-социалистическая трактовка миллениума, которая в нашей работе классифицируется как идея персонажа, отличная от идей самого Достоевского.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях, в преподавании творчества Достоевского, а также в составлении комментариев к произведениям писателя, регулярно печатающимся современными издательствами.

Обсуждение и результаты

В исследованиях религиозных воззрений и богословия Ф. М. Достоевского в последние годы часто утверждаются идеи, подчеркивающие неортодоксальность и даже еретичность взглядов и мыслей писателя. Однако внимательное исследование взглядов Достоевского в сравнении с положениями догматического богословия и трудами Отцов Церкви показывает, что писатель был гораздо ближе к церковной догме, чем это может показаться.

Данная работа будет посвящена концепции тысячелетнего Царства Божия, или миллениума, в творчестве Достоевского в сопоставлении с каноническими и неканоническими восточными и западными богословскими концепциями.

Понятие миллениума редко попадало в круг интересов отечественных исследователей Достоевского. Этой теме посвятил обширную статью В. М. Лурье (2024), утверждающий (с привлечением работ И. Пузыны, А. де Любака и Ф. Женебре), что Достоевский был миллениаристом, что его миллениаризм был впитан из религиозного социализма Пьера Леру и Жорж Санд, а само слово заимствовано у английского утопического социалиста Роберта Оуэна, и *millenium* (sic!), упоминаемый в набросках к «Бесам», обозначает представления, свойственные самому Достоевскому. При этом Лурье (2024, с. 38, 55) не анализирует разные типы представлений о тысячелетнем царстве, а так как он утверждает, что Достоевский писал это слово исключительно латиницей,

мимо его внимания проходит упоминание миллениума в «Дневнике писателя», где это слово пишется кириллицей. Лурье также не разграничивает идеи автора и героев применительно к черновикам «Бесов» и не обращает внимания на общий богословский контекст появления этого слова в «Бесах». Социальный аспект в апокалиптике и эсхатологии Достоевского подчеркивает и В. А. Котельников (2022), характерно соединяя эти представления с именем знаменитого хилиаста Иоахима Флорского. В данной работе будет показано, что Достоевский, если и был миллениаристом, то не в духе религиозного социализма, но во вполне ортодоксальном духе учения о тысячелетнем Царстве, которое было выработано еще в эпоху единства христианской церкви. Упоминания миллениума у Достоевского необходимо анализировать в комплексе, в общем контексте каждого появления этого слова и с особенным вниманием к тому, кто именно это слово произносит.

Поскольку идея миллениума не монолитна, представляется уместным начать с описания различных представлений о нем. Идея тысячелетнего Царства Божия основывается на 20-й главе Откровения Иоанна Богослова:

¹И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей.

²Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет, ³и низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится *тысяча лет*; после же сего ему должно быть освобожденным на малое время.

⁴И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело свое и на руку свою. *Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет*».

⁵Прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится *тысяча лет*. Это – первое воскресение.

⁶Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним *тысячу лет*.

⁷Когда же окончится *тысяча лет*, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их как песок морской» (курсив мой. – Т. К.).

В книге «Тысячелетнее Царство» о. Николая Кима (2003) подробно излагается история различных толкований миллениума, возникавших с первых веков христианства, даются различные интерпретации числа 1000, а также ортодоксальное понимание тысячелетнего царства в христианской традиции. Основное ортодоксальное понимание миллениума сложилось еще до разделения церквей: о. Ким ссылается прежде всего на Андрея Кесарийского (VI–VII вв. от Р. Х.) и блж. Августина (IV–V вв. от Р. Х.). Исследователи указывали, что к 70-м гг. XIX в. Откровение Иоанна Богослова в целом было мало толкуемой книгой Библии и не получило даже богослужебной рецепции, поскольку это единственная книга Нового завета, не читаемая на богослужениях (Гумерова, 2018, с. 146–147.).

Толкования миллениума делятся на несколько типов в зависимости от категорий, с которыми к этим толкованиям подходят.

Так, «тысяча» лет может толковаться либо как выражение полноты (и тогда тысячелетнее Царство может длиться любой промежуток времени), либо как реальная тысяча лет, либо, путем сложных вычислений, едва ли не любой промежуток времени в диапазоне от 3,5 до 7 000 лет (Ким, 2003, с. 150–166).

Трактовки Апокалипсиса могут быть историческими и иносказательными. Исторические методы подразделяются на собственно исторические, когда событиям, описываемым в Откровении, ищутся параллели во всей истории человечества вплоть до эпохи жизни интерпретатора; претеристические, где предполагается, что все описанные в Откровении события уже свершились в эпоху Римской империи; футуристические, исходящие из той презумпции, что события Откровения только должны совершиться (Ким, 2003, с. 16–21). У Достоевского, например, Лебедев в «Идиоте», который видит в звезде Полынь сеть железных дорог, являет собой пример чисто исторической трактовки Апокалипсиса. В иносказательных толкованиях миллениума события, описываемые в Откровении, понимаются в символическом смысле; примером такой трактовки является блж. Августин, который «книгу Откровения рассматривал как “хронику” духовной борьбы между Богом и диаволом в ее земном выражении в век Церкви» (Ким, 2003, с. 19).

Интерпретация 20-й главы Откровения в части загадочного Царства тесно связана с вопросом о соотношении тысячелетнего Царства и второго пришествия Христа во славе. В зависимости от ответа на этот вопрос концепции миллениума делятся на премиллениалистские – миллениум наступает после Второго пришествия; постмиллениалистские – миллениум наступает после торжества Евангелия над народами и длится до Второго пришествия и окончательного суда; амиллениалистские – миллениумом называется время между воскресением Христа и Вторым пришествием (Ким, 2003, с. 26–37). В каком-то отношении амиллениалистские концепции также являются постмиллениалистскими, потому что миллениум все же наступает до Второго пришествия, но различаются эти два типа трактовок временем начала тысячелетнего Царства – с воскресением у амиллениалистов и с торжеством Евангелия у постмиллениалистов. О. Ким отмечает, что именно амиллениалистская концепция и является церковным пониманием миллениума. Он также подчеркивает не только формальное, но и сущностное различие между постмиллениализмом и амиллениализмом:

«Постмиллениализм подчеркивает земной, конкретный характер наступившего «золотого века» цивилизации – торжество гуманистических принципов, всеобщий мир и процветание, как следствие принятия Благой Вести всем человечеством – это и будет тысячелетнее Царство Божие на земле, которое эволюционным путем вырастает из современного состояния мира. В противоположность этому амиллениализм отрицает такой привычный, исключительно материальный образ наступившего или наступающего Царства и, согласно евангельской эсхатологии, говорит о усилении темных сил к концу времени и катастрофическом, а не эволюционном, характере наступления Царства Божьего. Кроме того, постмиллениализм относит время Царства в будущее, а амиллениализм можно считать “начавшимся миллениализмом”» (Ким, 2003, с. 28).

И в этом «начавшемся миллениализме» «Царство – это Церковь» (Ким, 2003, с. 26).

Возможная проблема амиллениализма состоит в примирении новозаветного указания на то, что в начале тысячелетнего Царства ангел связывает сатану, т. е. власть сатаны в мире предположительно умалется или исчезает, тогда как, например, в Первом послании Петра сказано: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1 Пет. 5:8). Толкователи указывают, что связывание сатаны означает не исчезновение его из мира, но искоренение служения ему и бесам (Ким, 2003, с. 68). Св. Андрей Кесарийский пишет: «И что он связан был, доказательством сего служит уничтожение идолослужения и разрушение идольских храмов и оскудение кровей на жертвенниках, и во всем мире познание и исполнение Божественной воли» (2018, с. 265). По мнению блж. Августина, сатана «связан для тех, которые присоединяются ко Христу, и свободен для тех, которые отвергают Христа» (Цит. по: Ким, 2003, с. 70).

Особые споры также идут о месте тысячелетнего Царства (на небе оно существует или на земле) и о том, кто входит в это Царство. Термины «хилиазм» и «милленаризм» также могут использоваться как взаимозаменяемые, но «хилиазм» обычно обозначает именно земное тысячелетнее Царство. Хилиастические ожидания были особенно популярны в первые века христианства, прежде всего под влиянием иудейских представлений о мессианском царстве на земле, а также после Реформации, особенно в протестантских кругах. Хилиазм – концепция прежде всего земная и социальная. Настолько земная, что некоторые хилиасты утверждали, что в этом царстве праведники будут вести жизнь, полную удовольствий и наслаждений, включая удовольствия сексуальные, хотя такая точка зрения, разумеется, представляет собой крайность. Представление о Царстве как Церкви снимает этот вопрос. В такой трактовке миллениум насыщен всегда, причастность ему зависит от желания человека войти в Церковь, стать частью Тела Христова, а сам миллениум представляет собой концепцию прежде всего духовную.

Что мог знать о миллениуме и хилиазме Достоевский? В 1852 г. в журнале «Христианское чтение» была напечатана короткая статья (без указания автора) «Ложность учения хилиастов», из которой, хотя и не во всех подробностях, а также с некоторыми трудностями, можно извлечь информацию, которую подробно и гораздо более систематизированно излагает о. Ким. Анонимный автор пишет о двух направлениях хилиазма:

«Христос, когда устроит на земле тысящелетнее царство свое, восстановит Иерусалим во всей красе, снова введет исполнение обрядового закона Моисеева со всеми жертвами, и ... счастье праведников будет состоять во всевозможных чувственных удовольствиях. Так начал учить в первом веке еретик Керинф <...>. Другие, напротив, утверждали, что блаженство праведников на время тысящелетнего царства Христова будет состоять только в удовольствиях невинных, чистых, духовных, и вовсе не проповедывали ни о возобновлении тогда Иерусалима, ни о восстановлении обрядового закона Моисеева. В таком виде мнение о тысящелетии в первый раз высказано было Папием, жившим еще в век апостольский; затем встречается у Иустина мученика, Ириния, Мефодия и Лактанция; в позднейшие времена возобновлено, с некоторыми особенностями, анабаптистами, последователями Шведенборга и другими мистиками и иллюминатами» (Ложность учения хилиастов, 1852, с. 393-394)

Анонимный автор указывает, что хилиазм противоречит учению об однократном воскресении, учению только о двух пришествиях Христа (поскольку предполагает некоторое третье промежуточное пришествие), учению только о двух Царствах Христовых, а в своем радикально материалистическом изводе – и учению о том, что в воскресении не женятся и не посягают. В статье цитируются Евсевий Кесарийский и блж. Августин, т. е. восточные и западные богословы; подчеркивается необходимость иносказательного понимания Апокалипсиса как книги тайновидческой; указывается, что связание диавола следует понимать, как победу, одержанную Господом в проповеди, изгнании бесов и крестной смерти; тысячелетнее Царство же есть неопределенный период, начавшийся с торжеством церкви при Константине и длящийся до Второго пришествия. Первое воскресение есть воскресение в принятии Христа (т. е. присоединение к Церкви есть вхождение в тысячелетнее Царство). Таким образом, у Достоевского был доступ к информации (хотя и очень краткой) о различных точках зрения на миллениум и к краткому изложению церковного понимания этой концепции.

У Достоевского миллениум или millenium (о проблеме написания этого слова (Лурье, 2024, с. 55; Ковалевская, 2025а, с. 2108)) упоминается несколько раз в подготовительных материалах к «Бесам», а также в мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. и в подготовительных материалах к нему. В окончательный текст «Бесов» упоминание миллениума не вошло, но появилось в окончательном тексте «Дневника писателя».

В набросках к «Дневнику писателя» Достоевский пишет: «У нас, кстати, лорд Редсток. Обратил. Где бедные? (Мечутся.) Капля в море, капля отравы. Уничтожают данный церковью образ и ищут своего. *Христос в кармане*. Секты трясушек, *Миллениума* или всемирной и древнейшей секты *хлыстов*» (Достоевский, 1972-1990, т. 24, с. 176-177; курсив мой. – Т. К.). (О лорде Редстоке и Достоевском (Карпачева, 2016).) В окончательном тексте мартовского выпуска Достоевский посвящает протестантскому проповеднику лорду Редстоку отдельную главу и пишет, что он

«англичанин, но, говорят, не принадлежит к англиканской церкви и порвал с нею, а проповедует что-то свое собственное. Это так легко в Англии: там и в Америке сект, может быть, еще больше, чем у нас в нашем “черном народе”. Секты скакунов, трясушек, конвульсьонеров, квакеров, ожидающих *миллениума* и, наконец, *хлыстовщина* (всемирная и древнейшая секта) – всего этого не перечтешь. Я, конечно, не в насмешку говорю об этих сектах, сопоставляя их рядом с лордом Редстоком, но кто отстал от истинной церкви и замыслил свою, хотя бы самую благолепную на вид, непременно кончит тем же, чем эти секты. И пусть не морщатся почитатели лорда: в философской основе этих самых сект, этих трясушек и *хлыстовщины*, лежат иногда чрезвычайно глубокие и сильные мысли. <...> я слышал только, что лорд Редсток как-то особенно учит о “схождении благодати” и что, будто бы, по выражению одного передававшего о нем, у лорда “*Христос в кармане*”, – то есть чрезвычайно легкое обращение с Христом и благодатью» (Достоевский, 1972-1990, т. 22, с. 98-99; курсив мой. – Т. К.).

Из черновики в окончательный текст переходят миллениум, хлысты и Христос в кармане. Миллениум в кириллической транскрипции (или транслитерации, в зависимости от того, латинский, французский или английский язык считать источником термина) трактуется как элемент сектантского богословия, связанный на данном этапе прежде всего с протестантскими религиозными ожиданиями; при этом редстокизм, сектантство рассматриваются как отход от «истинной церкви». Настойчивое упоминание хлыстов будет важно для понимания значения слова *millenium* в черновиках к «Бесам».

Особое внимание стоит обратить на фразу «Христос в кармане», которую Достоевский переносит из черновиков в окончательный текст. В комментариях (Достоевский, 1972-1990, т. 22, с. 368) указывается, что эта острота была основана на том, что у лорда всегда было в кармане Евангелие, но Достоевский подчеркивает, что для него в этой шутке первично указание на чрезмерно легкомысленное обращение Редстока с вопросами веры. Любопытно, однако, что в январском выпуске «Дневника писателя» за тот же 1876 г. есть глава «Золотой век в кармане». Как указывают комментаторы, в 1876 г. Редсток приехал в Россию уже во второй раз; первый его приезд, когда Достоевский и слушал его проповеди, был в 1874 г. В Петербурге лорд был в 20-х числах марта 1876 г., в апреле он был в Москве (где его проповеди успеха не имели), а затем вернулся в более восприимчивый к его учению Петербург. Вероятнее всего, таким образом, фраза «Христос в кармане» ходила еще с 1874 г. и Достоевский был знаком с ней при написании «Золотого века в кармане» для январского выпуска «Дневника писателя».

«Ну что, – подумал я, – если б все эти милые и почтенные гости захотели, хоть на миг один, стать искренними и просто-душными, – во что бы обратилась тогда вдруг эта душная зала? Ну что, если б каждый из них вдруг узнал весь секрет? Что если б каждый из них вдруг узнал, сколько заключено в нём прямоты, честности, самой искренней сердечной веселости, чистоты, великодушных чувств, добрых желаний, ума, – куда ума! – остроумия самого тонкого, самого общительного, и это в каждом, решительно в каждом из них! Да, господа, в каждом из вас всё это есть и заключено, и никто-то, никто-то из вас про это ничего не знает! <...> Но беда ваша в том, что вы сами не знаете, как вы прекрасны!»

Знаете ли, что даже каждый из вас, если б только захотел, то сейчас бы мог осчастливить всех в этой зале и всех увлечь за собой? И эта мощь есть в каждом из вас, но до того глубоко запрятанная, что давно уже стала казаться невероятной. И неужели, неужели золотой век существует лишь на одних фарфоровых чашках? <...> Вы смеётесь, вам невероятно? Рад, что вас рассмешил, и, однако же, всё, что я сейчас навосклизал, не парадокс, а совершенная правда... А беда ваша вся в том, что вам это невероятно» (Достоевский, 1972-1990, т. 22, с. 12-13).

Само понятие «золотого века» также может быть связано с идеей миллениума. Французские словари XX в. фиксируют значение «золотой век» у слова *millénium* (Le grand Robert..., 1986, vol. 6, p. 458), что позволяет предположить существование этого значения и в эпоху Достоевского. Достоевский, однако, явно отличает «золотой век» от миллениума. Миллениум – время чаемое, ожидаемое. «Золотой век» – насущное, уже существующее; однако оно подлежит открытию в человеке и принятию самим человеком. Таким образом, эти два связанных понятия различаются и соответствуют постмиллениалистским (миллениум) и амиллениалистским (золотой век) представлениям о тысячелетнем Царстве. И таким образом, через призму Царства, понимаемого как присоединение ко Христу, т. е. к собранию всего человечества в Церкви как Теле Христовом, проясняется несколько, возможно, подозрительное с богословской точки зрения представление о достижении золотого века усилением собственной воли (хотя исследователи и писали о пелагианских взглядах Достоевского (Jackson, 1981, p. 284; Хондзинский, 2014, с. 146)): «Ибо вот, Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк. 17:21); «От дней же Иоанна Крестителя донныне Царство Небесное силою берётся, и употребляющие усилие восхищают его» (Матф. 11:12). То есть человеку требуется труд, чтобы попасть в Царство Божие. Как говорил св. Серафим Саровский: «Слово Божие даром говорит: “Внутрь вас есть Царство Божие, и нужно есть оно, и нуждницы е восхищают”. То есть, те люди, которые, несмотря и на узы греховные, связавшие их и не допускающие своим насилием и возбуждением на новые грехи прийти к Нему, Спасителю нашему, с совершенным покаянием на истязание с Ним, презирая всю крепость этих греховных связей, силятся расторгнуть узы их, такие люди являются потом действительно перед лице Божие паче снега убеленными Его благодатию» (Беседа..., 2005, с. 581-582).

Итак, «Дневник писателя» позволяет предположить наличие в текстах Достоевского двух концепций тысячелетнего Царства: миллениума и золотого века. Первая концепция – внешняя, социальная, потенциальная, грядущая, чаемая прежде всего во внецерковных исканиях, не лишенных своеобразного величия, силы и глубины, но оттого не обретающих истины. Вторая – насущная и внутренняя, которая «силою берётся», т. е. требует христианского труда для присоединения к Христу, вхождения в Тело Христово, т. е. Церковь.

Кроме «Дневника писателя», *millenium* также четыре раза упоминается в черновиках к «Бесам» – три раза в латинской графике, один раз в виде числа 1000:

1. «Князь: “Заключает в себе все условия спасения, раб и свободу. Если б представить, что все Христы, то мог ли быть пауперизм? В христианстве даже и недостаток пищи и топлива был бы спасен (можно не умерщвлять младенцев, но самому вымирать для брата моего). Это предсказано в христианстве: именно *millenium*, где не будет жен и мужей (*millenium*, не будет жен и мужей)”» (Достоевский, 1972-1990, т. 11, с. 182; курсив мой. – Т. К.).

2. «Князь объясняет: “Пищеварительная философия, вопрос времени, медленное вымирание. Видите ли: в том и разница у нас с славяноф(илами), что мы такую важность даем вопросу и ставим его с вами *sine qua pop.* Православие и Россия. В православии мы считаем единственное хранение Христова образа, и нигде больше, а Россию носительницей православия. С другой стороны, я считаю, что христианство заключает в себе все разрешения для мира. Младенца, *Millenium*, Апокалипсис, раненый зверь. Именно только в строгости постановки заключается всё наше новое”» (Достоевский, 1972-1990, т. 11, с. 187; курсив мой. – Т. К.).

3. «Кн(язь): “Христианство компетентно даже спасти весь мир и в нем все вопросы (если все Христы...)” // *Millenium*. // Апокалипсис» (Достоевский, 1972-1990, т. 11, с. 188; двойная косая черта отмечает новую строку в тексте; курсив мой. – Т. К.).

4. «Мы, русские, несем миру возобновление их утраченного идеала. Зверь с раненой головой, 1000 лет. Представьте себе, что все Христы; будут ли бедные?» (Достоевский, 1972-1990, т. 11, с. 177; курсив мой. – Т. К.).

Эти фрагменты насыщены новозаветными отсылками к Апокалипсису (раненый зверь, 1000 лет, Младенец), к слова Христам («не будет жен и мужей» – ср. «в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах» (Матф. 22:30)), к посланию апостола Павла («раб и свобод» – ср. «нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но всё и во всем – Христос» (Кол 3:11)).

Слова о том, что не будет ни жен, ни мужей, имели первостепенное значение в антропологии и эсхатологии самого Достоевского, представляя собой антиномию существования человека на земле: «Женитьба и посягновение на женщину есть как бы величайшее оттолкновение от гуманизма, совершенное обособление пары от *всех* (мало остается для *всех*). Семейство, т. е. закон природы, но всё-таки ненормальное, эгоистическое в полном смысле состояние от человека. Семейство – это величайшая святыня человека на земле, ибо посредством этого закона природы человек достигает развития (т. е. сменой поколений) цели. Но в то же время человек по закону же природы, во имя окончательного идеала своей цели, должен беспрерывно отрицать его. (Двойственность)», – записывает он в 1864 г. у тела первой жены (Достоевский, 1972-1990, т. 20, с. 173; курсив Достоевского. – Т. К.). В той же записи он сформулировал свое представление об эсхатологическом предназначении человека:

«Христос весь вошёл в человечество, и человек стремится преобразиться в я Христа как в свой идеал. Достигнув этого, он ясно увидит, что и все, достигавшие на земле этой же цели, вошли в состав его окончательной натуры, т. е. в Христа. <...> Как воскреснет тогда каждое я – в общем Синтезе – трудно представить. <...> Мы будем – лица, не переставая сливаться со всем, не посягая и не женясь, и в различных разрядах <...>. Всё себя тогда почувствует и познает навечно. Но как это будет, и в какой форме, в какой природе, – человеку трудно и представить себе окончательно» (Достоевский, 1972-1990, т. 20, с. 174-175; курсив Достоевского. – Т. К.).

Здесь, вполне в соответствии с духом православного учения об обожении (теозисе), Достоевский утверждает будущее человека в соединении с Богом. С этим фрагментом в черновиках «Бесов» напрямую перекликается фрагмент, где утверждается потребность «обожания». Здесь явно имеется в виду не обожание как сильная любовь к человеку (такое обожание тоже фигурирует в черновиках, но «стремление разлиться в бесконечность мировую» указывает на то, что речь идет о другом, а именно о слиянии с божеством):

«Заметьте, что человеческая природа непременно требует обожания. Нравственность и вера одно, нравственность вытекает из веры, потребность обожания есть неотъемлемое свойство человеческой природы. Это свойство высокое, а не низкое – признание бесконечного, стремление разлиться в бесконечность мировую, знание, что из нее происходишь. А чтоб было обожание, нужен Бог. Атеизм именно исходит из мысли, что обожание не есть естественное свойство природы человеческой и ожидает возрождения человека, оставленного лишь на самого себя» (Достоевский, 1972-1990, т. 11, с. 188).

Хотя разлитие в мировую бесконечность (вместо сложной динамики сохранения своего «лица», т. е. своего «я» в слиянии с другими «лицами») подозрительно напоминает о пантеистическом Боге (что оставляет место для теории Кириллова о превращении человека в личностного бога для других людей), мы хотели бы оставить этот сложный вопрос для будущих исследований, а пока констатировать тот факт, что черновые записи высказываний, отданных Князю, будущему Ставрогину, удивительно напоминают идеи и представления, дорогие самому Достоевскому. В таком контексте заключение о том, что *millenium* – это тоже идея самого Достоевского, может вначале представиться вполне логичным. Однако в этих же набросках есть еще один отрывок, где Князь обращается к очень конкретной доктрине «непорочного зачатия»:

«Князь выводит ему, что христианство (православие) заключает в себе разрешение всех вопросов, нравственных и социальных (раб и свобод). <...> – Или, наконец, уверение многих, что христианство совместимо с наукой и цивилизацией, <...> которые верят, что если не верить в воскресение Лазаря или *Immaculée Conception*, то всё равно можно остаться христианином. Но ведь мы знаем с вами, Шатов, что всё это вздор и одно из другого выходит – и нельзя остаться христианином, не веруя в *Immaculée Conception*» (Достоевский, 1972-1990, т. 11, с. 180).

Этот фрагмент показывает полную богословскую несостоятельность Князя (Ковалевская, 2025a) – он путает католический догмат о непорочном зачатии самой Пресвятой Девы Марии (*Immaculée Conception*) с догматом о непорочном зачатии Христа, на что прямо указывает французский термин, не оставляющий никаких сомнений в том, о чем идет речь. На тот факт, что Князь эти два понятия путает, указывает невозможность, по его мнению, быть христианином и не верить в *Immaculée Conception* – сугубо католический догмат, а это значит, что в утверждении Князя из христиан исключаются в том числе и не признающие этого догмата православные. Следственно, непонятно, как Князь понимает христианство и относит ли к христианам православных, хотя он и называет их хранителями Христова образа. Таким образом, под подозрением оказываются и остальные высказывания Князя, какими бы близкими идеям самого Достоевского они формально ни казались. Более того, формальная близость идей героя идеям автора при их сущностном расхождении – важный художественный прием Достоевского, названный нами мимикрической поэтикой (Ковалевская, 2025b) и призванный заставить «потрудиться» самого читателя, поставив его в максимально сходную с реальностью предапокалиптическую ситуацию. «Тогда, если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там, – не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить,

если возможно, и избранных» (Матф. 24:23-24). Преапокалиптическое время – это та эпоха, когда особенно важно отличать пророков от лжепророков, а Христа – от лжехристов.

Миллениум Князя – это миллениум будущий, возможный, что уже ставит под сомнение его православность и ортодоксальность. (Отметим, что исследователи соотносили отсылки к Апокалипсису в «Бесах» с толкованием этой книги, предложенным немецким мистиком и хилиастом И.-Г. Юнг-Штиллингом (Гумерова, 2018; 2019).) Но миллениум Князя не соответствует и также представлениям самого Достоевского о золотом веке, который не нужно создавать, в него нужно войти. Этот миллениум уже *есть*, потому что «Царство Божие внутри вас есть», и оно берется силою, т. е. религиозным трудом. Вспомним, что тема труда звучит у Достоевского часто, в том числе в «Бесах» в словах Шатова, хотя он предлагает Ставрогину труд крестьянский, прямолинейно видя слияние с народом-богоносцем не в религиозном, но в физическом труде. Шатов также провозглашает еще одну важную идею: «Народ – это тело Божие». Но затем он искажает дорогую Достоевскому идею народа-богоносца, превращая ее в идею насильственной ассимиляции народов, основанную на политических теориях Ж.-Ж. Руссо (Ковалевская, 2025b, с. 107-131). Таким образом, герой здесь формально солидаризуется с мыслью автора, Достоевского, а по сути противоречит ей.

Представляется, что в «Бесах» возникает аналогичная ситуация и с миллениумом как концепцией, которая существует в текстах в двух вариациях – в версии автора и в версии персонажа. В этой ситуации читателю, который может изучать тексты Достоевского в любой временной перспективе, как прямой, так и обратной, на помощь приходит фрагмент из текста «Дневника писателя» 1876 г. Здесь миллениум как грядущее социальное царство – это признак отрыва от насущного Царства, существующего в Церкви как в общине верующих, в Теле Христовом. И миллениум Князя – это миллениум сектантов, хлыстов, трясучек, странников и иных искателей веры вне истинной Церкви.

Представление о тонком искажении идей Достоевского в устах его героев может пролить новый свет и на фразу «все Христы». Выше уже приводились слова ап. Павла о рабе и свободном с ее кульминационным «но всё и во всем – Христос». На основании, в числе прочего, и этой фразы была выработана церковная концепция Церкви как Тела Христова. У блж. Августина эта концепция нашла в некотором отношении весьма радикальное воплощение: «...посредством любви ... человек сам станет членом, вступит через любовь в единство тела Христова, и *будет единый Христос, любящий Самого Себя*» (Августин Гиппонский, 2020, № 3, с. 78; курсив мой. – Т. К.).

Если предположить, что в словах Князя «все Христос» превращается во «все Христы», то концепция миллениума и связанные с ней в мысли Достоевского понятия позволяют прочесть выражение «все Христы» как искажение в духе хлыстов, которых Достоевский постоянно упоминает рядом с миллениумом. Именно хлысты могли называть друг друга христами, а «христовщина» – ещё одно название хлыстовщины.

В 1852 г. в Лондоне вышли четыре тома «Правительственных сведений о раскольниках», изданных В. Кельсиевым. О хлыстах сообщается следующее:

«...все же вообще зовут себя и просто “Богам”: вследствие чего даже “молятся друг на друга”, как на сущих “Богов”, на живых “Христов и Богородиц”! Священник Сергеев рассказывает, что некоторые из них, а особливо из Учителей, когда случится двум или трем из них вместе на одну беседу (то есть Собрание) сойтись, то между собою спорят, хвастают и хвалятся, как свойственно невеждам, каждый из них своею Божескою силою: у кого больше благодати и могущества? Один говорит: “Я Бог велик!” А другой вопреки отвечает ему: “А я больше тебя!” В этом состязании, продолжает Сергеев, они дают иногда друг другу звонкие заушения и добрые пощечины, с тем, чтобы изведать силу заушения. Кто из них равнодушен и без оскорбления вытерпит оные ударения, подставляя на то и другую ланиту, тому приписывают больше силы и святости. Также и Пророчицы спорят между собою и терзаются за волосы» (Кельсиев, 1862, с. 114-115).

Любопытно, что в том же томе появляется и упоминание миллениума – и именно в той своеобразной графике, которой пользуется Достоевский для своих героев: «На Западе, в настоящее время у очень многих сект тоже существует учение о Тысячелетнем Царствии Христовом, Millenium, которого особенно ожидают Мормоны. В Millenium не будет ни государств, ни войн, ни бедствий; истинная вера будет проповедываться беспрепятственно и ничто не будет вводить людей в грех помимо их доброй воли» (Кельсиев, 1862, с. xix). Здесь Millenium также предстает чертой западного сектантства, хотя здесь прежде всего фигурируют мормоны.

Предположение о том, что «все Христы» более тяготеет к хлыстовщине или «христовщине», чем к еkkлезиологической концепции Тела Христова, согласуется с последовательным упоминанием рядом миллениума и хлыстов в «Дневнике писателя».

Заключение

Таким образом, рассмотрение понятий «тысячелетнее Царство» / «миллениум» / «золотой век» в широком контексте творчества Достоевского и в сравнении с богословскими концептуализациями приводит нас к следующим выводам: в текстах Достоевского можно выделить две концепции тысячелетнего Царства – миллениум как грядущее, возможное, чисто социальное состояние общества и «золотой век» как состояние внутренней причастности человеческому сообществу, Телу Христову, т. е. Церкви. В набросках к «Бесам» упоминание миллениума в сопоставлении с ошибочно трактуемой богословской концепцией непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии, в контексте того, что говорит это Князь – будущий Ставрогин и генератор всех ложных идей романа, искажающих идеи истинные, а также фраза «все Христы», сопоставимая с хлыстовством, еще одним спутником миллениума в мысли Достоевского, заставляет предположить, что концепция миллениума, упоминаемая в черновых материалах к «Бесам», – ошибочная, нецерковная, исключаящая

представление о Церкви как о наличном, насущном Царстве, как Телу Христовом, где «все и во всем Христос». Это концепция персонажа, но не автора. Сам Достоевский, видимо, придерживался более ортодоксальной концепции насущного Царства, воплощенного в Церкви. Это противопоставление можно предположить из общего контекста записей в набросках к «Бесам», но особенно явственным оно становится в сопоставлении с более поздними фрагментами «Дневника писателя».

Перспективы дальнейших исследований видятся в более детальном изучении различных аспектов богословия Достоевского и их соотношения с теми богословскими представлениями, которые высказывают его герои.

Материалы исследования | Research materials

1. Августин Гиппонский. Рассуждения на Послание Иоанна к Парфянам // Диакрисис. 2020. № 1-3.
2. Андрей Кесарийский, свт. Толкование на Апокалипсис святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. М.: Сибирская благовонница, 2018.
3. Беседа преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни // Нилус С. А. Полное собрание сочинений: в 6 т. М.: Паломник, 2005. Т. 1. Великое в малом. Записки православного.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990.
5. Кельсиев В. Сборник правительственных сведений о раскольниках: в 4 вып. Лондон: Trübner & Co.; Pater-noster Row, 1862. Вып. 3.
6. Le grand Robert de la langue française. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française: en 9 vol. P., 1986.

Источники | References

1. Богословие Достоевского / отв. ред. Т. А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2021.
2. Гачева А. Г. Христианство как «задача человечества». Образ будущего у Владимира Соловьева // Соловьевские исследования. 2025. Вып. 1 (85). <https://doi.org/10.17588/2076-9210.2025.1.147-161>
3. Гумерова А. Л. Мотивы «Победной повести» И.-Г. Юнга-Штиллинга в произведениях Ф. М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 3 (7).
4. Гумерова А. Л. «Победная повесть, или Торжество веры христианской» И.-Г. Юнга-Штиллинга как возможный источник «Великого инквизитора» // Достоевский и мировая культура. 2018. № 3. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2018-3-143-160>
5. Карпачева Т. С. Образ лорда Редстока в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского и в романе В. П. Мещерского «Лорд-апостол в большом петербургском свете» // Достоевский и современность. 2016. № 30.
6. Ким Н., свящ. Тысячелетнее Царство. СПб.: Алетейя, 2003.
7. Ковалевская Т. В. Богословие Мистического Тела Христова у Достоевского и блж. Августина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025а. Т. 18. Вып. 5. <https://doi.org/10.30853/phil20250297>
8. Ковалевская Т. В. Мимикрическая поэтика Достоевского. М.: Изд-во РГГУ, 2025b.
9. Котельников В. А. Ф. М. Достоевский на пути к «окончательному идеалу» // Русско-Византийский вестник. 2022. № 2 (9). https://doi.org/10.47132/2588-0276_2022_2_11
10. Ложность учения хилиастов // Христианское чтение. 1852. Ч. 2.
11. Лурье В. М. Социалистическая эсхатология: приношение Достоевского поздним славянофилам // Достоевский. Материалы и исследования. 2024. Вып. 24.
12. Хондзинский П., прот. Ф. М. Достоевский как «учитель Церкви» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 2.
13. Jackson R. L. The Art of Dostoevsky. Deliriums and Nocturnes. Princeton: Princeton University Press, 1981.

Информация об авторах | Author information



Ковалевская Татьяна Вячеславовна¹, д. филос. н., доц.

¹ Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва



Tatyana Vyacheslavovna Kovalevskaya¹, Dr

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow

¹ tkowalewska@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 30.01.2026; опубликовано online (published online): 26.02.2026.

Ключевые слова (keywords): Ф. М. Достоевский; золотой век; миллениум; хилиастические ожидания; Тело Христово; Fyodor Dostoevsky; golden age; Millennium; chiliastic expectations; the Body of Christ.